

А С Я В А К И Н А

Т Р И Н А Д Ц А Т Ы Й

Д Е М О Н

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ася Юрьевна Вакина

Тринадцатый демон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50310551

SelfPub; 2020

Аннотация

Как рано в голову невинной девушки осторожным сизым туманом начинают просачиваться порочные мысли? Борется ли она с ними? Или складывает ладони перед собой, поднимает голову кверху и смиренно что-то шепчет, надеясь на спасение? Или кидается в омут с головой, стараясь заглушить зов плоти? А если она соглашается на порок сознательно, стараясь спасти жизнь родного человека? Будет ли корить себя за познанные удовольствия после?.. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	27
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Пролог

Быстрым шагом Омела шла по белоснежному коридору клиники. Крепко прижимала руку ко рту, стараясь не расплакаться. При всех не хотелось. Столько раз сдерживалась, терпела, а сейчас совершенно обессилела. Не сдалась, но от ускользающих сквозь пальцы последних песчинок надежды становилось не по себе. Как загнанный в угол зверек, она готова была рычать, скулить и выть на луну, но какой в этом толк...

Единственный родной ей человек, ее брат, медленно умирал в этих стенах. Пару минут назад лечащий врач сказал, что жить ему осталось не более трех месяцев. Вынужден был сказать, потому что Омела настояла на том, чтобы он рассказал правду. Даже угрожала. Демонстративно уселась на стул и поклялась никуда не уходить, пока не услышит окончательный вердикт. Она знала, что ее больше никто не пощадит. Знала, что в этот миг прощается с планами и мечтами. Но этого не избежать. Увы!

– Не больше трех месяцев... Сожалею. Готовьтесь...

Раздраженная фраза доктора повисла в воздухе, зазвенела в ушах, никак не желая доходить до сознания.

– Как три месяца? – сипло спросила Омела. – Что вы такое говорите?.. Выход ведь есть... Его надо только найти...

– Увы...

Омела резко встала с оккупированного несколько минут назад стула. Голова закружилась, но она даже не обратила на это никакого внимания. Не прощаясь, покинула ординаторскую. Больше говорить было не о чем. Она спешила покинуть клинику, несмотря на то, что ранее пообещала брату заглянуть еще раз...

Не понимала, куда шла. Просто шла. Мыслей не было. Одна сплошная тупая боль, от которой никуда сбежать не получится. Никита умирает...

Вышла, глубокими вдохами хватая воздух. И вдруг увидела небольшое здание часовенки, расположенной на территории клиники. Словно кто-то потянул за рукав, подтолкнул войти. Когда она в последний раз была в храме, не помнила. В глазах стояли слезы.

Перед входом перекрестившись, осторожно вошла. Внутри не было никого. Мирно горели свечи, изредка колыхалось пламя, плавными волнами отражаясь на стенах. Тишина и спокойствие. Мудрость, сгущавшаяся веками. Возможно, прямо сегодня здесь будут кого-то отпевать, провожая в последний путь. Осторожные корявые мысли о том, что и ей вскоре предстоит отстоять панихиду, прокрались в сознание. Надо готовиться... К чему? И как вообще к этому можно подготовиться? Купить гроб и поставить в коридоре собственной квартиры? Запасись свечами и платочками? Принять смерть, как должное? Самолично пригласить ее войти? Принять то, что противоречит всем ее жизненным принци-

пам?

Омела огляделась и поежилась. Может, она себя обманывает? Может, пресловутое провидение привело ее сюда, чтобы она поняла для себя что-то очень важное? Сделав глубокий вдох, девушка устало закрыла глаза. Воображение нарисовало картинку, как сверху на нее льется светлым дождем некое молчаливое благословение. Но оно будто взамен... ее смирения. Смирения со всем происходящим, что снизошло на нас с неба и туда же должно вернуться. Рождение – смерть. А между этими двумя понятиями что-то неосязаемое и, увы, почти потерявшее ценность. Из-за того самого смирения.

Как же можно смириться, когда близкий человек неизлечимо болен? Как смотреть ему в глаза? И до последней минуты сохранять бодрость духа, чтобы не омрачить как песок утекающее сквозь пальцы время? Как продолжать внушать надежду, если у тебя самой ее уже почти не осталось? Где взять силы?..

Омела смотрела на святое распятие и старалась сдерживать слезы. Тот, кого распяли, смирился со своей участью. Не боролся, не спорил, не осуждал. Просто нес свой крест так, как того требовали обстоятельства. Как и она. Из последних оставшихся сил. Но должна ли она учиться такому смирению? Или чему-то еще?..

Нужно помолиться. Попросить. А она даже не представляет, как это делать. Никто не учил. Не требовалось раньше. Всегда полагалась на науку, на здравый смысл. И верила в

одно – безвыходных ситуаций не бывает. А теперь...

Нельзя сказать, что девушка была атеисткой – крестик ей все же кто-то когда-то надел. Но разве молитва поможет? В конце концов, неужели Бог сам не видит, что им нужна помощь? Так зачем понадобилось ее обращение к небесам? А если там, наверху, все давным-давно решено? И ничего нельзя уже изменить... Или все же можно?..

Сложив три пальца, поднесла руку ко лбу...

Резко захлопнувшаяся от сквозняка дверь заставила оглянуться. В часовне по-прежнему никого не было. Часть свечей задуло. От фитилей заструился кривоватый серый дымок, как-то неприятно пахнув на Омелу.

Нет. Стоп. Не надо.

Вдруг откуда-то явилось четкое осознание, что она справится с ситуацией. Не знает, как, но справится. Брат выживет. И совсем не пора теперь опускать руки. Только не сейчас! Когда он больше всего нуждается в ней.

Девушка развернулась и, нервно вытирая слезы, покинула часовню.

К черту смирение! Она будет бороться за жизнь брата! И победит! Чего бы это ей ни стоило!

Выход есть. Его только нужно найти...

Глава 1

Омела спешила домой. Мысли путались, и девушка совершенно не представляла, что будет делать. То останавливалась, почему-то оглядываясь по сторонам, то принималась бежать, зажмуриваясь. Что-то непонятное творилось с ней, но разбираться не было сил. Она лишь отдавалась инстинктам, как сумасшедшая, как загнанная в угол беглянка...

Холодный осенний ветер хватал за пальто, разматывал шарф, проникал под кожу, в самое сердце, где трепетала и билась, словно раненая птица в клетке, душа.

Омела шла по дорожке, иногда хватаясь рукой за забор. Воздуха по-прежнему не хватало, и девушка изредка останавливалась и, опираясь на металлические витиеватые прутья, поднимала лицо к небу. А что там, она не знала. Просто, наверное, так принято было, заведено.

– Я готова на все... Сделаю все, что ты захочешь, только спаси Никиту... Умоляю... – произнесла тихо вслух.

Опустила взгляд и увидела наблюдающего за ней мужчину. Он стоял по другую сторону забора и внимательно смотрел на нее. Красивый, богато одетый. Прямо фотомодель, подумалось Омеле. Что она такого сделала, чтобы он обратил на нее внимание. Может, не на нее? Омела оглянулась, но вокруг не было ни души.

Омела выпрямилась и медленно пошла по дорожке, краем

глаза видя, что мужчина по-прежнему на нее смотрит. Что можно подумать в такой ситуации? Только одно – представитель банка...

Девушка ускорила шаг. И здесь ее нашли. Просроченные кредиты, долги и отсутствие каких-либо свободных денег. Все пошло на лечение Никиты. До копейки. Ее маленькой зарплатой не хватало ни на что. Без кредитов никак. А теперь коллекторы часто звонили, требуя вернуть занятое. Омела держалась. Иначе ведь было нельзя. Отвечала, что уже внесла или вот-вот собирается, пока не последовали прямые угрозы. Конечно, можно было бы подать в суд, но до этого ли было?

Покинув сквер, ускорила шаг. Нужно было побыстрее добраться до метро. Чтобы не видеть этого холеного господина, в обязанности которого входит вытрясти из нее как можно скорее и как можно больше. Но проблема в том, что трясти-то особо нечего. Значит, снова придется выслушивать угрозы, а потом долго бояться заходить в лифт. Так уже было. Пережила.

Когда впереди показался значок метро, рискнула оглянуться. И облегченно выдохнула. Никого. Может, тот мужчина и не коллектор? Ну, мало ли, отчего ему захотелось так пристально ее разглядывать. Может, у него проблемы какие-нибудь... с психикой... Мысли Омелу не радовали. Грустно усмехнувшись, быстро спустилась в подземку.

Сквозняк развеивал волосы, оповещая о том, что совсем

недалеко по рельсам пролетает скоростной поезд. Омела снова подумала о неизбежности. Захотелось кричать от отчаяния. Да что же это такое! Даже в чудо уже не верилось. А надо. Надо верить. Хотя бы ради того, чтобы поддержать Никиту в его последние месяцы...

Нет! Что же делать? Омела!

ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ?

Она вошла в открытую дверь вагона и, опираясь спиной на поручни, закрыла глаза. Думай! Думай! Думай!..

– С вами все в порядке?.. – сквозь шум летящего поезда донеслось, что кто-то окликнул ее, мягко тронув за рукав.

Омела открыла глаза и готова была вскрикнуть от неожиданности. Перед ней стоял тот самый мужчина, который разглядывал ее через забор сквера! Девушка вытаращила глаза и часто заморгала.

Коллектор...

Снизол до метро? Бросил свой внедорожник на станции, лишь бы догнать ее. Похвально. Впрочем, это же его работа. Решила пока не отвечать ему ничего. Бессмысленно. Не кричать же в ухо, стараясь победить шум.

– Все нормально, – одними губами проговорила Омела в надежде, что он прочитает и отстанет, если вдруг окажется не тем, о ком она думает.

Но мужчина не отходил, так и продолжая держать ее за локоть. Да что же в самом деле такое! Решила выйти на следующей станции, чтобы пересест в следующий поезд. Ми-

нутой раньше, минутой позже. Двери открылись, и она шагнула на платформу. Медленно поплелась к лавочке, но в ту же секунду ее охватил панический страх. Омела резко повернула голову – мужчина шел рядом, не глядя на нее.

– Вы меня преследуете? – спросила охрипшим голосом, остановившись. Мужчина тоже остановился. – Если по поводу долгов, то я же сказала вашим коллегам, что уже совсем скоро все отдам.

Мужчина повернул голову и пристально посмотрел в лицо девушки. До чего же он был красив! Яркий зеленоглазый брюнет со смуглой кожей, острыми выделяющимися скулами и прямым носом. Широкоплечий, сильный. И явно богато одет. Хотя в одежде Омела не понимала почти совсем ничего. До того ли было, перебиваясь с хлеба на воду, работать на двух работах, пытаюсь прокормить себя и брата. Хотела, чтобы он в институт поступил, выучился и нашел достойную работу. А потом уж и о себе можно будет подумать. Да вот не довелось...

– Хотел убедиться, что с вами все в порядке, – холодно произнес мужчина, и зеленые глаза его при этом сверкнули насмешливым блеском.

Так ему надо, чтобы с ней все в порядке было, да? Чтобы она платить могла, да? Конечно! Больше ведь ничего не надо ему от нее, правильно?

Омела нахмурилась и ускорила шаг.

– Со мной все в порядке. И вы можете быть свободны, –

пробубнила она.

– Вы уверены, что вам не нужна помощь? – вкрадчиво проговорил незнакомец.

– От вас? Нет, – грустно и брезгливо усмехнулась девушка.

– Всего вам доброго, – проговорил незнакомец и, круто развернувшись, двинулся в противоположную сторону.

Омела остановилась. На коллектора он был явно не похож. Ну, в самом деле, какой из него коллектор? Скорее уж, банкир. Может, и вправду о ней беспокоился? Она ведь зажмурилась тогда, а по скверу и вовсе шла, цепляясь за забор. Немудрено, что ему показалось, будто ей нехорошо. Всякое ведь в жизни бывает. Вот упала бы девушка в обморок, а вокруг никого. А тут он. Помочь, видимо, хотел, а она со своими подозрениями...

Остановить бы его, да сил нет никаких. Не до того вовсе. Извините, пожалуйста, мысленно попросила прощения Омела и двинулась в сторону поезда. Зашла в вагон и сразу же присела. Еще не хватало, чтобы кто-то еще к ней приставать начал по поводу ее самочувствия. Огляделась и только потом закрыла глаза и облегченно выдохнула.

И тут же ее снова накрыли нехорошие мысли. Как себя вести, что делать. Может, найти и на ночь работенку. Типа мытья полов или что-то в этом роде...

А вдруг лечащий врач Никиты сказал неправду? Он ведь видел, что у них больше нет денег, и платить за какие-либо

дорогостоящие операции она не сможет. И, скорее всего, поэтому так ей сказал. Ну, а что она могла сделать? Перевести брата в другую клинику? Абсурд. Не факт, что где-то будет лучше.

Какой-то замкнутый круг получался. Но что-то надо было точно предпринимать!

Может, себя продать? Предложить лечащему врачу...

Вариант, конечно, так себе, но попробовать было можно. Вопрос в другом. Захочет ли он возиться с девственницей. Она ведь ничего не умеет. И для любовных утех, особенно ради спасения жизни, вряд ли годна. Но появлялся шанс. Какая-то пусть даже призрачная возможность.

Омела зашла в квартиру и напрямик направилась в душ. Времени до конца рабочего дня оставалось пара часов. Нужно было привести себя в порядок и вернуться обратно в клинику...

Когда она вышла из метро и быстрым шагом направилась к автомобильной стоянке, до конца рабочего дня оставалось пять минут. Вовремя. Часа вполне хватило, чтобы отыскать в шкафу зачем-то купленные давным-давно и ни разу не надетые красные кружевные стринги и такой же красный бюстгальтер, короткое и выгодно облегающее ее миниатюрную фигурку платье. Волосы немного завилы, пусть струятся по плечам легкомысленными локонами. Ничего не жалко. И даже не противно. Или Омела себя уговаривала...

Небольшого роста лысоватый мужчина в очках вышел из

парадного входа. Это он. Доктор Вивьес Каше...

Сердце перестало биться. И нетвердой походкой Омела двинулась ему навстречу. Уверенность таяла, как снег весной.

– Еще раз здравствуйте, – тихо произнесла Омела. – Извините, пожалуйста, что снова вас беспокою...

– Ну, что еще? – устало проговорил доктор.

– Понимаете, мой брат – это все, что у меня есть... – не хотела, но предательские слезы выступили на глазах. – Если вы можете мне помочь, если в состоянии, то я готова... – слова застряли в горле. Как оказалось трудно предложить себя. Ну, в самом деле, что в таких случаях говорят. Ведь бывают же такие случаи.

– Я же уже объяснял, – вздохнул доктор. – Мне очень жаль, но...

– Я готова вам отдаться... – выпалила Омела.

– Что? – доктор сделал вид, что не расслышал.

– Можно даже здесь и... прямо сейчас!

– Вы с ума сошли? – он понизил голос до полусшепота.

– Я буду с вами столько, сколько потребуется, чтобы вылечить моего брата! – воскликнула Омела. – И сделаю все, что вы хотите! – Для подкрепления своих слов она принялась расстегивать пальто, чтобы сразу показать свою готовность.

– Я... – доктор заинтересованно дожидается, когда Омела распахивает пальто, – ничем не могу вам помочь! – и он быстрым шагом двинулся в сторону своего лексуса.

Наверное, она что-то не то надела. Вот дура! Это платье старое все испортило. Ведь он сомневался! Было по всему заметно! Значит, мог помочь...

– Пойдите! – крикнула ему вслед Омела, и доктор осторожно обернулся. – Я могу... отдать вам свои... органы...

– Да что вы такое говорите! – воскликнул мужчина. – Идите сейчас же домой! А я обещаю забыть все, что только что услышал! Еще раз повторяю! Я не могу вам помочь! Дело не в деньгах, не в вашем теле (оно, безусловно, прекрасно!) и не в чем-то другом! Медицина бессильна, понимаете! Болезнь зашла слишком далеко... Сожалею... – и он устало пожал плечами.

Омела отступила на шаг назад, словно ее только что ударили чем-то тяжелым по голове. Резко запахнув пальто, смешалась и густо покраснела.

– Простите... – тихо пролепетала.

Последняя надежда растаяла, как дым. Он сказал ей, что деньги не причем. Тогда что нужно? Как спасти Никиту?

КАК???

Резко развернувшись на каблуках, что было сил, рванула в темноту. Спрятаться! Убежать! Скрыться! От себя! От этого доктора! И от всего мира, который подобно мяснику, огромным острым ножом беспощадно кромсал их судьбы.

ПОМОГИТЕ!!!

Ее мысли дикими воплями рвались наружу, а она лишь зажимала рукой рот, чтобы только смолчать. Бежать! Быст-

рее! Куда-нибудь!

Омела выбежала на мощный дорогом камнем тротуар и, как-то неловко поскользнувшись, вдруг попала каблуком в щель между камнями. Вполне можно было бы удержаться на месте, если бы она размеренно прогуливалась. Но в данном случае удержаться от падения девушке было совершенно невозможно, если бы не мужчина, случайно выходявший из клуба в ту самую роковую секунду. Омела со всего маху рухнула в его объятия и вскрикнула от неожиданности.

– Вы в порядке? – обратился к ней он.

Омела подняла голову, и острый взгляд зеленых глаз пронзил ее насквозь.

– Вы? – просипела девушка.

– Кажется, мы уже сегодня встречались? – улыбнулся мужчина.

Омела встала на ноги и расправила плечи.

– Извините, – произнесла тихо.

– Знаете, вы мне кого-то напоминаете, – незнакомец прищурился.

– Кого же?

– Девушку, попавшую в безвыходную ситуацию, – его слова прожгли ее раскаленным железом. – Но безвыходных ситуаций не бывает, вы знаете об этом?

– Что?.. – Омела не нашлась, что ответить. Не коллектор, но кто он?

– Идемте, – он сделал пригласительный жест рукой. – В

этой кофейне варят прекрасный кофе.

– Нет... Мне домой нужно... И потом... – Омела опешила от друг за другом преследующих ее неожиданностей.

– Но вам ведь нужна помощь? – и вопрос получился похожим на утверждение.

Омела несколько секунд колебалась, совершенно не зная, что думать. Красавец-незнакомец совершенно не внушал доверия. Да и как он мог его внушать, если между ними стояла глубоко вкопанная социальная стена, упирающаяся в небо. Где он и где она? Какая, к черту, помощь!..

А может, незнакомец решил ее поднять?..

Вот уж удача, так удача!

Берегла себя для кого-то, а тут раз и... вот он...

Критически и как можно незаметнее осмотрела себя. Да нет, дешевка. За такую много не дадут. Да и незачем уже, раз доктор подтвердил, что деньги не помогут...

В кофейне их встретили две милovidные худенькие девушки, сразу отрекомендовав для кофейной церемонии вип-комнату. Омела насторожилась. Зачем вип, когда кофе можно и на виду у всех попить? Неужели он и вправду...

А вдруг маньяк какой-нибудь? Омела не могла представить, как выглядят обычно маньяки. Может, и встречаются похожие на ее незнакомца?

Они прошли в слабоосвещенную вип-комнату. Мужчина жестом предложил ей присесть на мягкий диванчик, сам же устроился напротив, на стуле с высокой спинкой.

– Что будете заказывать? – он смотрел на Омелу холодным и пронзающим взглядом. Наверняка извращенец, подумалось ей. И в тот момент мужчина едва заметно улыбнулся одними губами. Прочел ее мысли? Да нет, показалось.

– Ничего, – ответила Омела.

– Тогда глясе с малиновым чизкейком и эспрессо с корицей, – обратился он к официантке.

Омела округлила глаза. Откуда он знает про то, что она любит глясе? Следил? Да не может такого быть! Она уже больше года не пила глясе! С растворимым кофе не то, а на хороший сорт для варки было жалко денег. И как он угадал с малиновым чизкейком? Не с клубничным или шоколадным топпингом! А именно малиновым целиком!

– Что вам от меня надо? – испуганно спросила Омела.

– Скорее надо вам, – усмехнулся незнакомец. – Но давайте не будем торопить события. У нас с вами вся ночь впереди.

– Я не такая! – выпалила, не подумав, девушка.

– Уж не знаю, что вы имеете в виду, – рассмеялся мужчина. – Но наши пожелания друг к другу явно разнятся.

– Не понимаю...

– А чего тут понимать? Я же не ошибся. У вас трудная ситуация, не так ли?

– Да, – созналась Омела.

– И вы ищите из нее выход, правильно?

– Да, – повторилась девушка. – И не могу найти... – будто для себя прошептала она.

– Для такой красивой, а главное невинной девушки не может не быть выхода... – зловеще прошептал незнакомец, выделяя каждое слово.

Омела порывисто встала и собралась уходить. Сердце от страха перестало биться. Незнакомец знал, что она девственница! Ему это было нужно! Бежать! Скорее!

Ее схватили за руку.

– А для твоего умирающего брата другой возможности может и не представиться!

Повышенный тон голоса незнакомца заставил девушку остановиться и замереть.

– Присядь, – голос снова стал ледяным.

В комнату вошла официантка, принесла кофе и чизкейк. Омела заворожено смотрела, как девушка аккуратно расставляет приборы, и ждала, когда незнакомец продолжит. Мыслей в голове на этот раз не было никаких. Только панический страх.

– Итак, – начал мужчина, когда официантка покинула комнату, – тебе явно нужна помощь. И, пожалуй, кроме меня, тебе помочь просто некому. Зря ты пошла к этому доктору. Он ничего не смыслит в таких вещах. И я сейчас не о медицине говорю, отнюдь, – мужчина отхлебнул кофе и жестом предложил Омеле сделать то же. Она повиновалась, больше инстинктивно. – Я предлагаю тебе сделку, результатом которой для вас будет выздоровление вашего брата.

– Я согласна! – почти выкрикнула Омела.

– Не спешите, всему свое время. И если вы думаете, что услуги с вашей стороны довольно просты и понятны, то вы слишком сильно ошибаетесь.

– Что мне нужно сделать? – Омела подалась вперед.

– В данный момент насладиться любимым напитком и десертом, – мужчина улыбнулся.

– Вы шутите, да? – укоризненно спросила она.

– Вовсе нет. Мне нужно быть уверенным, что вы сможете выполнять задания беспрекословно, – его голос стал густым и жестким.

Фантазия Омелы тут же нарисовала разного рода ужасные картинки сексуальных истязаний, которые она имела несчастье как-то посмотреть в интернете. Не понравилось до такой степени, что в глубине души Омела начала опасаться, что ей однажды может достаться такой вот муж, со странными наклонностями. А сначала же он этого и не покажет. И только потом...

– Я буду наслаждаться глясе и чизкейком, – осторожно произнесла она, прокручивая все придуманные сцены подчинения.

– Ты хорошая ученица, – похвалил незнакомец.

Ну вот, еще и школьную форму надевать придется. Это точно капец!

Длинной десертной ложечкой Омела отломил кусочек чизкейка и отправила его в рот. Мммм... Захотелось стонать от удовольствия! Просто необыкновенно вкусно! Омела не

знала, как стонут от сексуального удовольствия, но ей почему-то казалось, что точно не так, как от этого чизкейка. Разве что-то могло с ним сравниться?

Осторожно прихлебнула глясе и не удержалась от того, чтобы на секунду ни прикрыть глаза.

– Нравится? – он заметил ее реакцию.

– Да, – коротко ответила она, внутренне ненавидя себя за несдержанность.

– Думаю, самое время познакомиться, Омела... – и он намеренно сделал паузу, во время которой внутри у девушки случился очередной приступ оцепенения. – Зови меня Харон...

Глава 2

Омела судорожно перебирала в голове все когда-либо встречавшиеся ей в жизни имена. Простые и сложные, сказочные и мифические...

Мифические! Точно! Она поняла...

Только от осознания этого стало дурно. Резкий приступ тошноты накатил вдруг, и девушка уже хотела было подняться, чтобы выйти, но незнакомец накрыл ее руку своей и крепко сжал.

– И с этим тебе тоже придется мириться! – зло проговорил он.

Тошнота мгновенно отступила, а Омела снова нарисовала в своей голове красочные картинки. Жуткие, почти что несовместимые с жизнью, как ей казалось.

– Вы что... слышите... мои мысли? – невероятность заявленного поразила Омелу до ужаса. Да-да, именно ужаса! Липкого и холодного, как змеиная кожа.

– Я не нахожу в этом ничего особенного, – четко выделяя каждое слово, почти безразлично заявил мужчина. – И к тому же, ты ведь совсем не против, не так ли?

Ей захотелось закричать: разве она может помешать этому! Но девушка сдержалась. Она вспомнила, как этот странный господин (теперь она именно так называла его мысленно) что-то говорил ей о ее брате. Казалось бы, это было

несколько минут назад, но Омеле показалось, что очень давно. Странное ощущение времени? Будто во сне.

– Да, ты права, давно следовало перейти прямо к делу, – Харон откинулся на спинку, видимо, оценив ее принудительно испытанное уважение, прорвавшееся через страх. – Известна ли тебе такая способность, как исцеление через прикосновения? – и он сделал многозначительную паузу, чтобы непременно дожидаться ответа. Омела не смогла вспомнить, как и когда он перешел с ней на «ты».

– Да... Немного... – она хотела промолчать, но собеседник выжидающе смотрел на нее. – Некоторые люди умеют лечить массажем, положим, головную боль и тому подобные мелочи, но... причем тут это? Я не совсем понимаю.

Мысли о том, что незнакомец может оказаться маньяком, окончательно покинула голову Омелы. Вот только бы не подумать, что он может быть сумасшедшим! Нет-нет! Приличный господин. Очень даже красивый и весьма адекватный...

– Ты сможешь исцелить своего брата, – еще одна небольшая пауза, за которую сердце Омелы перестало биться, – сама.

В висках девушки болезненно застучала кровь. Она шумно выдохнула и снова задержала дыхание. А как иначе реагировать? Послать его ко всем чертям и уйти?.. Харон ехидно улыбнулся... Наверняка снова прочел ее мысли. Гад! Вот прямо уверенно надо было это подумать!..

– Как? – наконец, отважилась спросить Омела.

– Всего лишь пройдя некоторые испытания, – мужчина сделал ленивый жест рукой.

Омела сощурилась. Что-то в нем показалось ей странным. Хотя куда уж еще странней! Ее на улице ловит незнакомый мужчина. Да не просто ловит. Преследует! Делает вид, что спасает. Но он не спасал. О, нет! Теперь Омела была в этом абсолютно уверена. Тащит в кафе пить кофе. И заливает всю о спасении ее брата. И, новость! Она сама сможет это сделать? Хотелось все же встать и уйти. Но в голове, несмотря на все странности и опасения набатом стучало: брат... спасти... выход... испытания... Интересно, как он сможет все это организовать...

– Всего лишь несколько дней немного необычного сна. И все! Ты получаешь умение исцелять. И идешь себе спокойно радоваться жизни вместе с выздоровевшим братом!

Вот сейчас Омеле показалось, что Харон ее разводил. Ну, конечно, этакий глупый развод. Она им – девственность... Усыпят ее и воспользуются по полной! А потом ищи ветра в поле, девочка! Наслышана! Интернет читает!.. Как же это все не вовремя! Когда ей так плохо! И совсем нет сил ни на что...

– О каком сне идет речь? – Омела расправила плечи и стала думать, как ей незаметно с телефона вызвать полицию. Может, этого охотника за невинностью давненько там ищут!

– Ты согласна? – Харон безразлично отхлебнул кофе. Значит, понял, что она его просекла.

Внезапно в Омеле проснулся следователь. Несвоевременно и неуместно. Теперь, пока она не вывела его на чистую воду, нужно непременно выяснить, какую роль играет во всем этом именно он. На организатора не похож. Загонщик? Загоняет жертву на некую квартиру, обещая... необходимое ей...

– Что при этом получаете вы? – Омела опустила глаза и посмотрела на декоративное покрытие столика, где за стеклом мерно покачивались в воде красноватые и синеватые водоросли. Спокойно. Вечно. Неизменно. Совсем не так, как в ее жизни.

– Можно сказать, что ничего, сущую мелочь – твои страхи...

После его фразы у Омелы даже немного закружилась голова. Псих какой-то! Надо бежать от него и как можно скорее!

– Видишь ли, я ими питаюсь, – снова проговорил Харон, едва улыбнувшись одними губами.

– Хотите, чтобы я вам поверила? – Омела не удержалась и криво усмехнулась.

– Нет. Я и других дамочек найду. Только ты вряд ли встретишь еще раз возможность совершить чудо. А теперь извини, мне нужно идти.

Он произнес это и стремительно поднялся, собираясь уходить. Омела опешила. Что происходило? Незнакомец только что предложил ей помощь, а она, не имея больше никакой иной возможности на спасение брата, вот так просто отка-

зывается? Да что бы там ни было! Ну, вдруг это шанс? Чудо, которого она так ждет!

– Пойдите!

Харон уже вышел из-за столика и повернулся спиной, чтобы уходить, теперь же остановился, но не оглянулся.

– У меня есть время подумать над вашим предложением? – с надеждой глядя в спину незнакомца, тихо спросила Омела, зная, что Харон ее прекрасно услышал.

– Безусловно. Три дня.

– А как мне вас найти, если... я вдруг соглашусь?

Омелу замутило. Она то соглашалась, то шла на попятную, то хотела вызывать полицию, то готова была броситься в ноги этому странному мужчине...

– Не сомневайся, мы встретимся, если ты вдруг решишься. И никогда не увидимся, если откажешься.

– Я поняла...

Омела сглотнула, глядя, как быстрым шагом удаляется от нее незнакомец. У нее было ровно три дня, чтобы подумать...

Глава 3

Омела добралась до дома и, судорожно вставляя ключ в дверь, несколько раз оглянулась и прислушалась. На лестничной площадке было тихо. Где-то отдаленно в соседней квартире ругались ее обитатели, в другой – плакал малыш, наверху – лаяла собака. Домофон в подъезд никто не открывал, и по лестнице никто не спускался.

Омела осторожно толкнула открытую дверь квартиры. Пользуясь светом на площадке, внимательно осмотрела коридор, обувь у порога и месторасположение вещей. Вроде все было так, как она оставляла при выходе. Но с другой стороны, неужели она присматривалась к тому, как было?

Вошла. Перевела дыхание и на ощупь щелкнула замком. Снова прислушалась. Ничего. В квартире было тихо. Только тогда девушка включила свет и облегченно выдохнула. Чего она ждала? Или кого думала увидеть в собственной квартире? Да. Как ни странно это звучало для нее же самой, именно Харона. Почему этот страх возник, она не понимала. Просто нервы расшатались, вот и мерещился всю оставшуюся дорогу этот зеленоглазый брюнет.

Омела прошла в комнату и села на диван. Ей нужно что-то решить, подумать. Снова искать выходы из сложившейся ситуации. Но были ли они? Об этом думать не стоило. Совсем недавно ей случайно попала на глаза одна книга,

в которой она прочла о том, что для желаемого результата нужно как можно сильнее «взбивать» пространство. И когда «маятник» достаточно раскачается, уже независимо от тебя, начнет происходить что-то, что изменит жизнь к лучшему...

Ну, что за бред! Вот право же! Омела, спустишься с небес на землю!

С утра на работу. Это факт. Надо выспаться. Хорошенечко.

Устало поднялась и отправилась в душ. Сняла с себя нелепый наряд, который готовила для доктора. Красные стринги непривычно врезались, заставив девушку застонать от неприятных ощущений. На что лучше хлопковое белье. Всегда комфортное и незаметное. Омела ошупала красное кружево. Красиво, конечно. Но зачем это все, если в итоге все равно окажешься без ничего. Зачем мужчинам видеть то, что, по сути, мешает получить желанное. Может, и доктору это не понравилось бы... Ой! Какая разница! Что за мысли? Хорошо, что он отказался. Плохо, что излечить брата было не в его силах.

Включила воду и настроила на нужную температуру. Встала под щекоотливые струйки и закрыла глаза.

Как же на душе тяжело. Будто целый пуд серых камней внутри. Они нестерпимо тянут вниз. Даже присесть хочется. Омела облокотилась на кафельную стену. Воспоминания навязчиво потянули в прошлое.

Всего лишь два года, как они с братом вместе.

Вспомнился детский дом. Их привезли туда после внезапной смерти родителей. Так странно. Посреди белого дня мама с папой умерли от отравления угарным газом. В собственной квартире. После школы Омелу с братом сразу же привезли в детский дом. Они не видели похорон. Ничего, что подтвердило бы версию смерти. А поскольку у их семьи в этом городе не было ни одного родственника, участь двух детей двенадцати и четырнадцати лет была заранее решена. Просто было все, а теперь ничего. Резко оборвано кем-то.

Официальная версия говорила, что родители совершили самоубийство. Но Омела в это никак не могла поверить. Не было ни одного мало-мальски весомого повода, чтобы так случилось. Никаких предпосылок. Счастливая и дружная семья. Успешные родители, удачная работа. Омела и брат хорошо учились, посещали многочисленные секции. Что до внутренней атмосферы, так тоже все было в порядке. Отец безумно любил маму, помогал ей всячески по дому. И выходные всегда вместе... Сколько бы Омела ни думала, вопрос «почему?» никогда не исчезал из ее головы.

В детдоме они с братом старались держаться вместе. Хоть и жили на разных этажах, но встречались всегда, когда только это было возможно. Сказать, что было страшно на каждом шагу – ничего не сказать. Омела благодарила воспитательницу, которая сразу же порекомендовала ей обриться наголо, чтобы избежать разбушевавшегося в это самое время педикулеза. Омела послушалась. Ее красивые каштановые воло-

сы в этот же день были срезаны. С братом поступили также. Но что это по сравнению с остальным...

В первую же ночь, когда уснуть было просто невозможно, она услышала, как в комнату, где кроме нее спали еще пять девочек, прокрался юноша. Он осторожно присел на ее кровать и резким движением зажал рот Омелы своей рукой.

– Только рыпнись, птичка, и я порежу тебя на ленточки! – шикнул парень, и в лунном свете сверкнуло лезвие кухонного ножа, наверняка заведомо украденного на кухне. – Не волнуйся, я быстро. Новеньких не мучаю, – и парень ехидно усмехнулся.

Омела перестала дышать. Не глупая, все сразу поняла.

Парень откинул одеяло и кончиком ножа поддел аккуратный бантик на сорочке Омелы, тот развязался, отчего ночной гость сразу же тяжело задышал. В лунном свете его лицо казалось зловещим, и Омела могла бы поклясться, что эти черты она запомнит на всю жизнь. Парень наклонился и аккуратно коснулся ее вмиг похолодевших губ. Омела в оцепенении смотрела на него, не в силах что-то сказать или сделать. Его свободная ледяная ладонь скользнула под сорочку девушки, накрывая съездившийся от страха сосок, до боли сжимая еще не сформировавшуюся грудь.

И тут Омелу будто прострелило. Совершенно не отдавая отчета своим действиям, она как-то без особой борьбы умудрилась выхватить у парня нож и вонзить его в его бедро. Она больше ничего не помнила, наверное, даже зажмурила гла-

за, когда от истошного юношеского крика вскочили с кровати девочки, включили свет и, видимо, позвали кого-то на помощь...

История, после которой ее прозвали чокнутой. К ней больше никто и никогда из мальчиков детского дома не подходил. И Омела мысленно благодарила того ночного гостя, который, как она впоследствии узнала, являлся авторитетом среди своих сверстников. Роману, так его звали, оставался месяц до выпуска, и по счастливой случайности Омела его больше никогда не видела.

У Никиты было все гораздо печальнее. Поскольку драться он не умел, избивали его довольно часто. Омела выхаживала его, успокаивала и даже как-то ходила к директору. Напрасно. Избили еще сильнее...

Когда ей исполнилось восемнадцать, детский дом, предоставив ей однокомнатную квартиру в самом захудалом районе города, благополучно отделался от очередной сиротки. Никите еще два года пришлось жить одному. И вот тогда разлука казалась совершенно невыносимой...

Пережили. Снова вместе. Собирались продать его квартиру, чтобы приобрести двухкомнатную, не успели.

Настигло новое испытание – болезнь брата. Сначала легкие, едва заметные симптомы, слабость, а потом... В больницу обратились слишком поздно... Омела продала свою квартиру, деньги пошли на лечение брата, переехала в его однушку. Устроилась на вторую работу...

Свет в ванной заискрился и погас. Снова лампочка. Перегорела... Теперь она уж точно ее поменяет. В темноте намылила голову дешевым шампунем с едким розовым запахом. Ничего. Потом от волос вполне сносно пахнет. Словно она дорогие цветочные духи использует.

«Вкусно пахнет...»

Омела вздрогнула, широко распахнула глаза и замерла. Кто это сказал? Кто сказал, что она вкусно пахнет???

В глаза медленно затекла пена. Сильно щипало, но Омела только быстро моргала, вглядываясь в темноту.

– Кто здесь? – громко спросила девушка. Ответа не последовало.

Омела резко включила воду и быстро принялась смывать с головы шампунь, при этом то рвано дыша, то задерживая дыхание, чтобы прислушаться. Наскоро намылив тело, небрежно скользнула между ног.

«Нежнее...»

Омела вскрикнула и одернула руку. Кто-то стоял за занавеской? Нет. Скорее, этот бархатистый мужской голос она слышала в своей голове...

Сходит с ума, подумалось Омеле. От переживаний и от безысходности...

Резко дернула занавеску. Глаза уже привыкли к темноте. Схватила полотенце и принялась растираться, попутно стараясь незаметно себя ущипнуть то в одном, то в другом месте. Не сон ли все это? В последний раз, так получилось, что

ущипнула себя за попку.

«Нравится?..» – спросил голос в голове.

Омела бросила полотенце, открыла дверь и прямо голышом бросилась в спальню. Юркнула под одеяло и подтянула колени к груди.

– Я же еще ни на что не соглашалась! Слышишь, Харон, не соглашалась! – крикнула в пустоту.

Прислушалась. Ответа не было.

Она обманывала. Еще как соглашалась. Почти сразу же! И при расставании с ним тоже согласилась! Это, наверное, все магия! Ведь какая-то сила наверняка существует и сейчас ее терроризирует. Нашли, кого! Беззащитную девушку, попавшую в безвыходную ситуацию и оставшуюся один на один со своим одиночеством...

Вспомнила слова Харона, что безвыходных ситуаций не бывает. Глубоко вдохнула и выдохнула. Хотелось верить.

Что, если от ее покладистости и впрямь может зависеть жизнь брата? Готова ли она ради его жизни спуститься в ад?.. Вопрос повис в воздухе, заряженном страхами девушки...

Прошло не менее получаса, прежде чем Омела смогла немного прийти в себя. Голос умолк, и все вокруг стало снова казаться обыденным и серым.

На всякий случай выключать ночник на тумбочке не стала. Так спокойнее. Закрыла глаза и погрузилась в спасительный сон.

Будильник выдернул из цепких объятий Морфея. На ра-

боту. Не открывая глаз, Омела болезненно застонала. Откинула одеяло и сквозь щелки глаз себя осмотрела. Из-за вчерашнего испуга уснула совершенно обнаженная. Надо же. Поежилась, вспомнив вечер от начала до конца...

И вдруг заметила на бедре чуть затянувшийся тонкий кровянистый след когтей. Омела мгновенно проснулась. Вчера его не было, и она в этом готова была поклясться. Дотронулась пальцами и дернулась. Боль растеклась по ноге. Следы оказались достаточно глубокими. Может, она во сне сама себя оцарапала? Омела внимательно посмотрела на маникюр. Не в лучшем виде, конечно. Но он на такое явно был не способен. Словно когти дикого зверя...

На кухне включила чайник и достала из аптечки перекись, чтобы обработать рану. Капли зашипели, постепенно окрашиваясь розовым. Омела стерла пальцем стекающую струйку и с криком одернула руку. Палец горел так, словно она его подставила к горящему огню!

Да что, в конце концов, за чертовщина такая с ней происходит! Омела в отчаянии всплеснула руками и нервно заходила по комнате. А чего, собственно говоря, она ожидала от такого ведьмака, как Харон? Да-да, он похож именно на черного мага или что-то в этом роде, в чем она совершенно не разбиралась. И ей предстояло с ним договориться. О чем?

Он что-то говорил про то, что ей не стоило ходить к доктору. И еще что-то про ее девственность. Значит, невинность ее ему приглянулась? Может, он над ней начнет про-

водить обряды, типа убийства курицы. Она когда-то читала, как умирают птицы на птицефабриках. Их обездвиживают током, а потом надрезают горло... И оттуда стекает кровь... Ох! Состояние Омелы, оживившей в памяти давно забытые образы, было близко к обмороку.

Омела замотала головой. Как страшно было это видеть! Даже не только с самой собой, но и с кем бы то ни было. Она не любила фильмы ужасов, но иногда, совершенно случайно увидев ужасающие сцены, долго их боялась. Месяц спустя, девушке снились вампиры, маньяки, огромные змеи и катастрофы вселенского масштаба. Ночник не гасила, часто просыпаясь в холодном поту.

А теперь в ее жизнь вторгнулся некий Харон, который как минимум должен будет долго измываться над ее невинностью. Омела вспомнила, откуда слышала его имя, открыла ноутбук, чтобы еще раз убедиться. В Википедии значилось:

«Харон (др. греч.) в греческой мифологии – перевозчик душ умерших через реку Стикс (по другой версии – через Ахерон) в подземное царство мертвых. Сын Эреба и Нюкты.

Изображался мрачным старцем в рубище. Харон перевозит умерших по водам подземных рек, получая за это плату (навлон) в один обол (по погребальному обряду находящийся у покойников под языком). Он перевозит только тех умерших, чьи кости обрели покой в могиле. Только золотая ветвь, сорванная в роще Персефоны, открывает живому человеку путь в царство смерти. Ни при каких условиях об-

ратно не перевозит».

Снова какой-то бред. Скорее всего, его имя – простое совпадение. Ну, в самом деле, не повезет же он ее через какую-то там реку! Да и жива она еще... Или в настоящем у перевозчиков и другие появились обязанности. Так сказать, пришлось совмещать на полставки. Рассмеялась бы, если бы все это не было таким грустным. Омела искренне надеялась, что странные обстоятельства, буйным ураганом ворвавшиеся в ее жизнь вместе со встречей с таинственным незнакомцем, помогут ее брату. Ей больше ничего и не надо было! Лишь бы он выздоровел, и они смогли жить, как прежде. Ведь со всем, кроме смерти, по ее мнению, вполне можно было справиться.

Завтракать не стала. Есть ничего не хотелось. С трудом выпила чашку крепкого чая без сахара и поспешила на работу.

После выхода из детдома Омела закончила короткие бухгалтерские курсы при бирже труда и почти сразу удачно устроилась в небольшую фирму расчетчицей по зарплате. Честно, она не понимала, зачем небольшой фирме такой раздутый бухгалтерский штат, но помалкивала, потому как деньги платили вовремя и без обмана. Правда, через полгода уволилась кассир, и выдачу зарплаты повесили на Омелу. Но она была этому даже рада. Такое везение и возможность научиться большому!

Вечерами, пока брат был здоров, Омела учила немецкий

язык, дополнительно к английскому, который проходила в школе и потом в детдоме. А вскоре ей подвернулись переводы, и она с большим удовольствием этим занялась, сначала бесплатно, а потом и за деньги. Это особенно ценно стало, когда заболел Никита. Пригодилось все: каждый рубль и каждый навык. И все равно не хватило...

Омела изо всех сил старалась не думать о том, что должно было случиться через три дня. Она прекрасно знала свой ответ. У нее не было другого выхода. Оставалось лишь надеяться на то, что Харон не передумает. Ведь говорил же, что может и других девушек найти. Наверняка она такая не одна. А если она со своими раздумьями и вправду упустит свой единственный шанс?

Три рабочих дня один за другим пролетели незаметно. Омела каждую минуту ждала появления Харона: оглядывалась на улице, осторожно озираясь по сторонам, присматривалась к сонным лицам метро. Она искала его в социальных сетях, попутно просматривая криминальные сводки. А что еще оставалось делать? Омелу бросало из крайности в крайность: то она признавала Харона сумасшедшим, то объявляла спасителем, то опасалась, что он черный маг и может накликать на них с братом еще большие беды.

В конце третьего дня раздался звонок из клиники от доктора Каше, который сообщал о том, что состояние Никиты резко ухудшилось, и он впал в кому. У Омелы подкосились колени. Она вдруг осознала, что тот самый страшный миг

может наступить скорее, чем она предполагала. И все из-за ее промедления!

Отпросившись с работы, со слезами на глазах Омела прилетела в клинику и наткнулась на запертую дверь в палату брата.

– Мне жаль, но к нему больше нельзя, – доктор тихо тронул Омелу за плечо. – Вы можете наблюдать за его состоянием через это окно.

Омела прижала ладонь ко рту и, не в силах что-либо сказать, согласно мотнула головой. Доктор еще что-то говорил ей в утешенье, но она ничего уже не слышала. А через пару минут и вовсе, круто развернувшись, почти бегом бросилась к выходу.

Омела сама не знала, куда она бежит. Зачем и почему. Словно сумасшедшая, обезумевшая от горя...

Она должна была найти Харона! Как можно скорее сообщить ему, что на все согласна! Готова попытать счастье, каким бы призрачным и туманным оно ни казалось! Из всех сил мысленно кричала, что на все согласна! Абсолютно! Лишь бы ее брат остался живым! Вглядывалась в дождливую черноту, подсознательно решив, что именно из нее и должен появиться проводник. Куда бы он ни собирался ее вести, она была готова. Лишь бы не опоздать...

Но Харон не появлялся. Его не было ни у церкви, которую, на этот раз Омела уверенно решила обойти стороной. Не встретился он ни в метро, ни у того самого кафе, где

девушка пару часов простояла, глядя на светящуюся большую витрину со всевозможными тортиками и пирожными. Вспомнившийся вкус малинового чизкейка с глясе, совсем недавно доставивший небывалое удовольствие, теперь показался горьким. Теперь горьким было все. Серым и бессмысленным...

Харона не было нигде.

Это был крах! Как теперь быть? Где искать этого Харона? И искать ли вообще...

Девушка, спотыкаясь, обреченно поплелась домой. Ну, может, там...

Что говорил доктор? Она такая рассеянная не спросила даже ничего. Не смогла. Рыдания душили, рвались наружу, как темная грозовая туча, накрывало с головой плохое предчувствие. Как Никита? Ему ведь могло что-то понадобиться? Лекарства? Достала телефон и несколько минут повертела его в руках.

Набрала номер доктора, но в ответ услышала, что абонент не доступен. Через несколько секунд доктор перезвонил:

– Омела? – голос был взволнован. – Вы звонили?

– Да... – она никак не могла сформулировать мысли, а потому молчала. – Я звонила... Доктор, скажите мне... ему станет лучше? – не хотелось о плохом.

– Мы боремся, но стабильности пока нет...

Сердце Омелы перестало биться.

– Доктор, пожалуйста, я вас умоляю! Мне нужно несколь-

ко дней... Постарайтесь... чтобы он жил...

– Мы делаем все возможное, поверьте, – в голосе доктора проскользнула жалость.

– Спасибо...

Омела повесила трубку и укусила себя за палец. До боли. Чтобы хоть как-то сравнить физическое с моральным. Чтобы не плакать...

Несколько минут не могла попасть ключом в дверь квартиры – так сильно замерзли руки. Не от холода, но от жуткого волнения, панического страха и отчаяния. Надежда таяла на глазах и, казалось, нет уже никакой возможности что-то исправить. И почему только она не согласилась сразу! Три дня назад! Пока Никите не стало плохо...

Она вошла в квартиру и закрыла за собой дверь. Устало щелкнула выключателем в прихожей. Посмотрела в зеркало и обомлела...

Она больше не видела своего отражения! Зеркало было мутным, словно затуманено или запотело. Омела провела по нему рукой, но ничего не изменилось.

Девушка проморгалась и отступила на шаг назад. Что случилось с зеркалом? Медленно дошла до ванной, включила свет и проверила. И там зеркало было мутным.

Дрожащими руками достала из сумочки пудреницу. Еле справилась, пытаясь открыть. Но и там маленькое зеркальце казалось запыленным. На всякий случай протерла спонжем – ничего не изменилось.

– Харон? – окликнула она. – Ты здесь?

Никто не ответил. Казалось, в квартире никого не было. Да и как бы он проник внутрь? Не могло же такого быть, чтобы у него имелся ключ? Или он открыл дверь с помощью отмычки. О чем она думала!.. Что с зеркалами?.. Это магия... Или можно как-то научно объяснить...

– Харон, помоги мне... – прошептала она, и слезы снова быстрыми струйками потекли по щекам. – Я все сделаю...

Глава 4

В кроваво-красной полутьме, густым туманом окутавшей пышущее уладами ложе главнокомандующего Легиона, извивались и стонали в унисон от упоительных волн экстаза выбранные хозяином наложницы. От небрежных его прикосновений к бархатистым женским телам, от брезгливых похлопываний по упругим и горящим огнем ягодицам и грубых проникновений во влажное лоно нервно вздрагивало в такт пламя прозрачных блестящих факелов.

Он был сегодня нетороплив. Давно наскучившие утехы не вызывали больше яростных эмоций. И теперь, разрывая на одной из наложниц металлические кольца трусиков, рассыпавшиеся в его пальцах, словно песок, казалось, главнокомандующий Легиона недоуменно рассматривал открывшийся холм манящего лона. Обманчивое впечатление. И кроваво-красный туман несомненно тому виной.

Демон рассматривал себя и свою угасающую ярость. Недовольство захлестнуло его, как только он понял, что самые прекрасные наложницы, всегда невинные и страдающие от его прикосновений, больше не вызывали в нем ничего...

Демон полоснул по нежному девичьему животу острыми когтями и, совершенно не обращая внимания на ее крики ужаса и трепыхания, стал наблюдать, как крупные капли крови выступили и стали стекать тоненькими струйками.

Он грубо прижал девушку рукой, и она затихла, осторожно всхлипывая. Знала, что перечить Тринадцатому Воину нельзя ни при каких обстоятельствах. Муки от его злости сравнимы разве что со сдиранием кожи, чему, кстати, от скуки он вполне мог поспособствовать.

Демон развлекался шесть ночей, меняя наложниц, как перчатки. Напрасно. Обжигающий огонь больше его не вовлекал в свои яркие всполохи. Схватив девицу за ошейник, притянул к себе, заглянув в наполненные слезами синие омуты. Глубоко. Внутрь. Что там? Страх, который он совсем недавно так любил смаковать, обильно прихлебывая игристым розовым вином с лучших плантаций Диониса, возбуждаясь от ее неровного дыхания и от соблазнительного запаха чистоты. О, да! Именно это Демон любил больше всего в этом погруженном в красную тьму мире. И только недавно он ощутил, что обычной чистоты и невинности, даже густо приправленной страхом и немного сдобренной болью ему вдруг стало ничтожно мало. Словно не было ничего. Ничего. Ровным счетом. Он перепробовал все: наложниц, позы, месторасположения...

Будто наскучило.

Резко поднявшись и на ходу набрасывая на лоснящиеся от пота могучие мускулистые плечи расшитый золотом халат, подпоясываясь, главнокомандующий Легиона стремительно покинул свои покои и вышел в сад.

Если бы демоны могли болеть, он подумал бы, что неиз-

лечимо сражен каким-то вьедливым и чересчур стойким вирусом. Но демоны не болели. Никогда. Или Тринадцатому Воину и главнокомандующему Легиона Льюису XIII, таких случаев не припоминалось.

Он уже был далек от собственных покоев настолько, что оазис протяженностью в несколько десятков километров, если оглянуться, теперь напоминал лишь небольшую точку. Демона окружала пустыня, и он быстрым шагом продолжал идти дальше. Куда? Возможно, это вполне могло бы сойти за прогулку.

Преодолевая один бархан за другим, Демон упрямо шел вперед, попутно о чем-то размышляя. О чем? О чистоте и невинности? О выигранной пару дней назад, между делом и скуки ради, битве нижних миров? Вовсе нет. Он шел, потому что идти было нужно. И Тринадцатый Воин точно знал, куда он идет. В ту самую влекущую точку, где скоро будет...

Просто там надо было оказаться в определенный момент. А зачем – вопрос другой.

Горячий воздух сгущался и становился тягучим, как горячий воск. Демон понимал, что уже близко. И остановился лишь тогда, когда прямо перед ним появилось колеблющееся, словно водяная гладь, окно портала. Тринадцатый Воин дотронулся до него ладонью, и вздрагивающая гладь помутнела, а потом покрылась густым серым туманом, из которого стали проскальзывать одна за другой острые, как бритва, молнии.

Тринадцатый Воин знал, что будет видение о его будущем. Но вот о чем конкретно? Может, наконец, станет ясно, как вернуть тягу портить чистоту?

Когда серый туман рассеялся, Демон увидел себя. Но он был не один...

Стиснув зубы, он нес на руках девушку...

Льюис отступил на шаг назад. Человечка?..

Не может быть?

Он приносил ее в жертву. Но зачем? Что он хотел от нее получить? И почему у него было такое лицо, будто... Но ведь этого совсем не может быть! Черт!!! Ему было жаль эту девочку???

ЖАЛЬ???

Или...

Демон встряхнул головой и обнажил клыки, оскалился, сверкнув зелеными, как изумруд, глазами. Стиснул крепко кулаки так, что хрустнули жилистые костяшки. Серый жертвенный алтарь... Освещенный ярким пламенем свечей... И дева в белых одеяниях, чистая, как утренняя роса, как родниковая вода, как слеза младенца... Манящая чистота, явно для него особенная! И Демон прочувствовал это так, как если бы в тот самый момент находился в теле себя самого, только временем дальше. Но он не понимал! И протест в нем был настолько силен, что образовавшаяся вокруг него темнота затмила портал, поглотила.

И портал пропал, оставив главнокомандующего Легиона

в недоумении. Что это было? Видение? Или злая шутка низших демонов? Нет. Они бы точно не посмели его разыгрывать. Зная, что он в следующую минуту может весь их род одним махом стереть с лица мира. И не сделал до сих пор этого лишь потому, что понимал, насколько ему сделается скучно от своего абсолютного могущества.

Но все же! Кто она? Кто эта девушка?

Мысли все время возвращались к той, которую ему стало почему-то... жаль... Он не смог разглядеть ее лица, но оно явно показалось ему знакомым, как если бы он видел его каждый день, но по какой-то странной и смешной причине вдруг забыл. Она не была похожа ни на одну из его наложниц, ни на одну, падшую из-за него душу. Кто же она? Кто?..

Нет ничего проще! Скоро узнает.

Нужно сказать, что Лююис ждал новую жертву. Она вот-вот должна была объявиться. Харон время от времени так развлекался, вызывая демонов и бросая им на растерзание блеющую овечку. Но на самом деле развлекались демоны. И это устраивало все заинтересованные стороны. До поры до времени.

А время подходило. Разгорался аппетит. Обычно Лююис с равнодушием наблюдал, как двенадцать демонов методично буквально расчлениают малышку, чтобы очистить ее от страхов и представить ему чистой и измученной, но не сдавшейся и по-прежнему чистой.

Что-то подсказывало Демону, что на этот раз будет все

иначе. Разбирающее его любопытство заставляло ехидно улыбаться и потирать горячие жилистые ладони. Неделя, не больше, и Харон рассыплется в лживых обещаниях. Тринадцатый Воин ждал особую жертву, способную его удивить и развлечь. Демоницу. И Харон намекнул, что это вполне возможно, но тогда успел вовремя скрыть свои мысли на этот счет. Тринадцатый Воин успел ухватиться только за координаты.

Неделя – это слишком долго. Демон желал увидеть НОВУЮ прямо сейчас, не разбираясь в истоках собственного любопытства. Схватить проводника за горло и спросить напрямую? Конечно, он сделает и это. Непременно. Но именно сейчас хотелось пойти наперекор всему...

И он пошел. А, если быть совсем точными, то полетел...

Сквозь пространство миров, сквозь тугое время, чтобы... оказаться в обычной людской квартире???

Тринадцатый Воин огляделся и недовольно оскалил клыки. Мир, в котором он оказался на этот раз не нравился ему больше всего. И когда именно здесь намечались какие-то дела, со злобой и раздражением старался завершить все как можно быстрее. Но сейчас в Демоне разыгралось любопытство. А результат? Что он видел? Ни магических шаров, ни досок, ни манящего запаха первых жертвоприношений, ни самых простых карт здесь и в помине не было. Может, начинающие ведьмы этим перестали пользоваться? Или он ошибся? Неверно прочел координаты по мыслям Харона? Не мог!

Не мог, черт подери! Он не мог ошибиться! Никак! ОН, Тринадцатый Воин, за все свое существование никогда не знал ошибок и поражений!

Так в чем же дело? Какого он теперь здесь находился, творя драгоценное вселенское время! Или этот Харон берега попутал? Хренов перевозчик! Решил подсунуть *обычную* человечку демонам??? Видимо, наступило время его сменить!

Демон круто развернулся и уже хотел исчезнуть, но дверь квартиры закрипела. Отлично! Сейчас он увидит, наконец, ту, которую приготовил для них Харон! Будь он тысячу раз проклят!

Тринадцатый Воин рассеялся в пространстве, чтобы стать невидимым.

Девушка вошла и присела на диван. Миленькая. Чистенькая. Демон присмотрелся. Озабоченность и внутренняя боль делали ее похожей на маленький сжатый комок. Демон терпеть не мог такую боль. Она имела происхождение весьма странное и необъяснимое для него. Никогда не понимал он это замысловатое, порождающее неисчерпаемые запасы обжигающей энергии чувство. Он! Тринадцатый Демон, забирающий души жертв за их томное сладострастие и желание получить удовольствие. Он не знал, что такое любовь, которая никак не связана с сексуальными уладами. Не понимал жертвенности ради нее.

А эта девочка печалилась из-за кровного родственника, который, как ей казалось, неизлечимо болен. Так сильно пе-

чались, что, как только она вошла, ее горькие эмоции пропитали каждый сантиметр этого замкнутого пространства. И она готова была на все, чтобы его спасти. Что ж, любопытно...

Мягкие шелковые локоны волос струились по плечам, ласкали гибкую шею. Нежная кожа так и тянула прикоснуться. Девочка, никогда не знавшая грубых мужских ласк, не тающая под пронзающими движениями, не изнывающая, не извивающаяся и не просящая одновременно пощадить и не останавливаться...

Она медленно снимала с себя одежду. Сначала простенькое платье, затем усталыми неторопливыми движениями – чулки. Красные кружевные трусики. Хм. Даже рассматривала их так, будто никогда до этого момента не надевала ничего подобного. Занятно посмотреть, что ты будешь делать с собой в душе, девочка! И неужели ни на секунду не подумаешь о требовательных прикосновениях?

Запустил острой молнией по лампочке! Ни к чему! И так все, что нужно, разглядит! В ванной воцарила тьма, близкая и понятная для Тринадцатого Воина. Человечка не испугалась, резонно рассудив, что недолгий век данного изделия подошел к концу.

Она намылила голову, теребя и массируя тонкими пальцами кожу. Обычные движения чистой овечки забавляли уставшего от страстных знойных игр Демона. Даже разыграть ее захотелось, поддеть чем-то неважным. Чтобы потом

посмотреть, как отреагирует.

«Вкусно пахнет...» – комментировал он шампунь настолько громко, что девушка дернулась.

Не о нем подумала. Но и не ждала никого. В мыслях мужчин не было. Исключая ее брата. И... Харона... Не в счет! С ним разберется потом.

Девушка принялась намыливать тело. Формы красивые. Стройная. Гибкая и податливая... Могла бы быть. Но зачем? К чему ему эта слабенькая и покорная овечка?

Кстати, покорность Демону нравилась. Но только не смирение! Покорность граничила с трепетом. Сотни покоренных Тринадцатым Воином миров больше не имели ни мнения, ни значения, ни жизни. Питательная энергия и ничего кроме. Смирение же несло в себе определенные блага, мир и ту самую презренную им любовь!

Девушка скользнула рукой по налитым грудям, прошла по плоскому, чуть впалому животу и спустилась ниже... коснулась пальцами по аккуратно постриженным волоскам, добралась до пухлых губок...

«Нежнее...» – приказал Демон и внутренне улыбнулся, сверкнув загоревшимися огнем глазами. Намеренно произнес так громко, чтобы девушка услышала, испугалась. Чтобы он смог втянуть ее терпкий легкий аромат стеснительного страха. Мммм... Сладко...

«Нравится?..»

Он разговаривал с ней, но ее ответов не требовалось.

Пусть испугается, часто дышит и стонет от отчаяния, но от иного, совсем не такого, какое чувствовала до того, как он вмешался.

О чем же она думала? Демон прислушался... Ситуация не порадовала Тринадцатого Воина. Молодой мужчина, когда-то попытавшийся забрать ее чистоту, получил дерзкий отпор! Льюис рассмеялся. А девочка не так проста, как показалось ему на первый взгляд. Пырнула ножом этого сопливого проходимца! Занятно. И чистота при ней осталась. Сберегла, чертовка! Может, для него?..

Демон потрянул головой и оскалился. Пустое! Слабачка! Да ей просто повезло, что так случилось. Глупые людишки, наивные и бестолковые! Служащие непонятым богам и тайно мечтающие о темном!

Много ли с нее возьмешь! С человечки! Сдастся на первом же демоне! И поделом! Пусть Харон забирает ее ко всем чертям! Но оставался вопрос: где обещанное??? Жертва в виде демоницы! Что? У перевозчика кишка тонка стала? Так что с того? Должно ли это его, покорителя миров, волновать хоть немного? Нет! И, разумеется, он незамедлительно предъявит свои требования Харону! Незамедлительно! Безотлагательно! Прямо сейчас!

Тринадцатый Воин круто развернулся и через миг покинул этот мир.

Глава 5

Не успел Харон перевести дух после возвращения из другого мира, сделать глоток любимого девийского вина, сорвать прямо с веранды спелую виноградную гроздь и насладиться всеми прелестями демонийской жизни, как двери его покоев широко распахнулись, и он вмиг оказался в самом дальнем углу опрокинутым на лопатки.

– Что за глупые шутки, перевозчик?! – Тринадцатый Воин крепко сжимал его горло, не давая дышать.

И он ждал ответа, но Харон не мог говорить, только глухо давился, испуганно глядя на Демона.

– Отвечай! – покоритель миров ослабил хватку ровно настолько, чтобы перевозчик смог мало-мальски говорить. Ярость пылала в его глазах, а по шее и лицу было видно, как сквозь кожу вырываются мелкие, словно нити, язычки пламени. Это могло свидетельствовать лишь об одном – Демон на грани, если это человеческое выражение вообще могло быть применимо к демонам.

– О чем... ты? – прохрипел Харон, откашливаясь. Подумать бы, что Демон совсем с ума сошел, но, во-первых, с демонами это невозможно, во-вторых, перевозчик отлично понимал, что в такие минуты никак нельзя подумать лишнее. Чем грозил ему Тринадцатый Воин? Смертью, за которой ничего более для перевозчика быть не должно. Потому

как душой подобные агенты давно уже не обладали. Продали ради того, чтобы, как они считали, стать чуть выше человеческой расы. А потому Харон постарался собраться и сосредоточиться на моменте и не выдать при этом своих опасений. – Я не понимаю, о чем ты, Льюис... – намеренно назвал Демона по имени, чтобы не представлять перед ним рабом, сохранить достоинство.

– Ты не понимаешь?! – взревел Тринадцатый Воин. – Кого ты подготовил демонам?! Кого приведешь для меня?!

Харон моментально понял, о чем идет речь, но выдавать себя не стал. Промолчал, желая потянуть время.

– Кто НОВАЯ?! Отвечай, перевозчик!!! Или твои шутки могут плохо кончиться! – Тринадцатый Воин сделал резкий взмах крыльями, рывок, и теперь Харон оказался припертым к стене.

– Отпусти меня, Демон, – сдерживаясь, смело проговорил Харон. – И тогда мы поговорим.

Рыжие язычки пламени начали краснеть, а в расширившихся зрачках Тринадцатого Воина появились мелкие молнии. В тот момент перевозчик уже было пожалел о сказанном, но неожиданно Демон его отпустил.

– Так ты хочешь знать, почему я выбрал именно ее? – Харон поправил одежды и медленно вернулся к тому, что собирался сделать до визита Тринадцатого.

– Ты испытываешь мое терпение! – Демон был в ярости.

– Разве тебе она не понравилась? – Харон повернулся к

столику, где в ведерке со льдом стояла темная бутылка, сделал глоток дивийского вина и удовлетворенно закрыл глаза. Он все верно вычислил и теперь наслаждался своей расчетливостью. – Ты ведь видел ее. Верно?

– Она человечка! – бросил с укором Демон. – Ты должен был отдать нам демонессу! Время пришло, перевозчик! Не мне напоминать тебе об этом! И обо всем, что последует далее!

– Я не забыл, – Харон обернулся и жестом предложил Тринадцатому Воину присоединиться к нему. – Но, прошу тебя, покоритель миров, рассмотреть чуть внимательнее мой выбор. И уверен, что ты найдешь в нем свои прелести...

– Я видел достаточно! – казалось, Демон начал немного остывать, вспомнив несколько минут, проведенные в квартире человечки. Ее мягкие волосы, налитые соком тугие груди с потемневшими от страха ореолами сосков-горошин, которые теперь почему-то нестерпимо захотелось сжать... – Что скажут остальные? – спросил и почувствовал, как огонь внутри него от этой фразы почему-то начал беситься.

– Думаю, оценят, – Харон слегка улыбнулся той загадочной мужской улыбкой, которая красноречивее слов дала понять Демону, что и перевозчик оценил девчонку. – Через пару дней узнаем. Хотя у нее выхода нет, должна согласиться...

Демон вспыхнул:

– Ты что? Дал ей право выбора?! Первозчик, да ты совсем что ли тронулся?! Хватку потерял? Или возомнил себя

кем-то выше? Так я напомним тебе, какую ступень ты занимаешь!

– Остынь, Демон, – мягко и спокойно проговорил Харон. – Я знаю, что делаю. Люди, соглашаясь и делая выбор, прочнее цепей привязывают себя. Она выдержит всех демонов и дойдет до тебя. Потому что не сможет иначе. Ты же прекрасно знаешь людей, но их самоотверженность порой не знает границ. Не демонесса тебе нужна, Льюис, – перевозчик снова назвал Демона по имени, при этом покорно склонив голову, – и я не обещал тебе ее. Но! – он расправил плечи и поднял вверх указательный палец. – Я могу тебе пообещать одно – скучно с этой малышкой не будет.

– Хорошо, – заскрипел зубами Тринадцатый Воин. Ему явно что-то не понравилось, но Харон не смог разобрать, что именно. То ли то, что он назвал Демона по имени, или смелые заявления, или, может, его «малышка»... – Но если ты ошибся, и она не выдержит, пеняй на себя, перевозчик!

После этих слов Демон круто развернулся и вылетел через арочный проем веранды в густые, нависшие над огненной горой тучи.

Харон облегченно опустил в широкое кресло. Он выдержал разговор с Демоном, остался жив и даже допустил в разговоре некую фривольность. Заметил ли это покоритель миров? Безусловно. Не предъявил? Но это явно не потому, что не хотел. Скорее, его мысли были заняты чем-то еще. Или кем-то.

Харон довольно потер ладони. Нет. Его хватка при нем. И нюх он не потерял. И умом пока не тронулся. Не зря столько столетий бок о бок существует с демонами. Выучил их повадки и вкусы наизусть. Все в порядке. Тринадцатому Воину приглянулась Омела. И теперь он ее дождется. Что от этого получит Харон? Очередную отсрочку – единственное, что нужно для существования. Не благодарности же от темных ждать. Перевозчик криво улыбнулся и закрыл глаза. За эти пару дней земного времени, которое здесь можно было растянуть или сократить по своему усмотрению, он намеревался хорошенечко отдохнуть, расслабиться и предаться всяческому излишествам, которые ему в этом мире очень даже нравились.

– Ханна, – позвал он служанку. – Подготовь парильни, стол – как всегда, и пригласи двух химер погорячее. И не беспокой меня, пока не позову. Все поняла?

Одетая во все черное маленькая девушка покорно кивнула головой и низко поклонилась.

Тринадцатый Воин был в ярости. Два дня никого не пускал к себе и ни с кем не разговаривал. В самую жуткую низменную бурю отправлялся в полет, оставляя все силы в борьбе с разыгравшейся стихией. Весь израненный приползал в свое логово на самой высокой скале и засыпал. А утром, снова окрепший, вылетал встречать багровый рассвет и кру-

шить каменные пики скалистого леса. И так некстати все было спокойно, никто не бросал ему вызов и не нарывался на его гнев. А если кто и посмел бы, страшные могли получить последствия. Может, оттого Тринадцатый Воин и не возвращался в свои привычные покои, а, подобно отшельнику, в гордом одиночестве парил над Кровавым океаном.

Мысли Демона никак не покидало пришедшее к нему в пустыне видение. Он задавался вопросами: почему он принес эту девочку на алтарь, собственноручно, и что за странные смешанные чувства при этом испытывал? Человечку! На алтарь! Она должна была получить что-то, что он готов был ей отдать. Это выглядело нелепо. Демона тянуло вернуться в мир людей, чтобы рассмотреть ее поподробнее. Внешне ничего особенного, но что-то его определенно зацепило. Что?

Тринадцатый Воин тысячелетия жил одинаково, разрушая и круша все на своем пути. А тут он чувствовал, что столкнулся с чем-то, чего никогда не встречал. Это что-то было совсем ему неизвестно, и потому вызывало яростный протест и злобу. Но, несмотря на это, появившийся некий интерес нравился Демону, разгоняя еще недавно обрушившуюся на него скуку.

Наконец, покоритель миров, все-таки решил снова отправиться в мир людей. И сделать это он наметил посреди земной ночи, как раз перед самым появлением Харона. Он хотел сам посмотреть, насколько человечка готова к встрече с демонами страхов. Ведь она, со слов перевозчика, сама

должна была выбрать свой путь. Но не удовольствия ради и не ради получения ведьмовской силы, как это случилось ранее.

Молодые колдуньи, хранившие свою чистоту до поры до времени, в одну особенную ночь решались призвать демонов, чтобы пройти испытание и получить особенную силу. Льюис зло рассмеялся. Насколько же крепко прижился в человеческом мире миф о том, что это возможно. Демоны любили с ними потешиться, передавая, словно куклу друг другу. Тринадцатый давно в этом не участвовал. Ему опротивело это занятие, не веселило и не придавало энергии. Да что с них возьмешь в плане сексуальных развлечений? Научились чему-то лживому, а настоящего огня не добьешься. Они будто изначально пустые. Может, и так. Тринадцатый Воин не хотел в этом разбираться.

Если ему требовалось излить огненное семя, он брал наложниц. И вбивался в каждую до тех пор, пока не иссякнет. По очереди и одновременно, используя все возможные и невозможные способы.

Встречались на его пути и демонессы. Жаркие, дикие, необузданные. С характером и, наоборот, покладистые, будто созданные для семейной жизни. Те, которые приходили к нему сами в надежде отыскать покровительство, и те, которых он брал из завоеванных территорий. Не цепляло. Только секс, ничего более.

Но были и скрытые, которых раз в несколько сот лет отыс-

кивал в разных мирах и предоставлял Харон. Этих демонесс Тринадцатый Воин не выпускал из своих покоев несколько месяцев, раз за разом выпуская на свободу всю их затаившуюся в неизмеримых недрах сознания энергию. Таких он потом оставлял в своем войске. Но после раскрытия никогда более не приближал. И они честно служили ему тысячелетия, практически лишившись пола, но и не претендуя ни на что большее.

Вот и сейчас он ждал очередную демонессу, чтобы, разобравшись со своим огнем и ее черными потоками, в очередной раз пополнить свое многочисленное войско.

Но эта девчонка не была демонессой! И этот факт чрезвычайно злил покорителя миров.

Проникнув в уже знакомую комнату, Тринадцатый Воин огляделся. На небольшой кровати, свернувшись комочком, лежала она. Глаза Демона яростно сверкнули, на губах появилась невольная улыбка. Хорошая девочка, хоть и человечка. Ладная. Испугалась его голоса и, как была голенькая, так и юркнула под одеяло. Кстати, атрибут совершенно ненужный. Демон резко дернул его, лишив девушку какой-либо защиты. Она по-детски захныкала во сне и перевернулась на спину, предоставив незваному ночному гостю свое тело во всей красе.

И там было, на что посмотреть. Тринадцатый Воин присел у кровати на корточки. Горящий огнем взгляд медленно скользил по девичьему телу, не упуская ни одной мелочи.

Сначала остановился на лице. Пушистые темные ресницы слегка подрагивали во сне. Нежной кожи щек коснулся едва заметный румянец. Аккуратные пухлые губки были чуть приоткрыты, словно ждали чего-то. О! Демон знал, как бы он ими воспользовался! Сначала смял бы страстным поцелуем, распечатывая, едва прикусывая до изнурительной боли, порождающей сладкий трепет чуть ниже живота, вынудил бы эту девочку застонать ему в губы. А потом, когда она уже станет его, он воспользовался бы этими пухлыми губками совершенно иначе...

Демон плотно сжал скулы, стараясь отогнать наваждение. Сладкая девочка. И он все больше хотел ею обладать.

Прямые каштановые волосы рассыпались по подушке, пара изящных локонов остались на округлых плечах. Демон скользнул взглядом дальше и остановился на округлых полушариях вздымающейся груди. Хороша необыкновенно! Он протянул руку и указательным пальцем дотронулся до горошины соска. Захотелось вобрать его губами и попробовать на вкус. Девушка вдруг перестала дышать. Тринадцатый Воин, улыбнувшись, убрал руку. Успеется.

Прошелся взглядом по плоскому и чуть впалому животу, на который от света ночника падали пресловутые тени, дерзко плясали, манили дотронуться. И пупок аккуратный, вытянутый, овальный, как ему нравилось. Девочка внешне во всем угодила.

Наконец, взгляд Демона дошел до слегка покрытого ко-

роткими волосками треугольничка. Ноги девушки были отчего-то напряжены и сведены вместе, а ему хотелось, чтобы она их развела, открыв все свои тайные прелести.

Тринадцатый Воин поднялся и склонился над девушкой, еще раз внимательно посмотрев в ее лицо. Теперь он знал, что ее имя Омела.

– Тебя назвали так, чтобы защитить от демонов? – спросил тихо Льюис. – И кто же о тебе так позаботился, девочка? Омееела, – протянул он ее имя тихим и бархатистым голосом, на что девушка еле слышно замычала. – Сладкая девочка...

Ладонь Демона легла на пушистый лобок, заставив Омелу засучить ногами. Внутри Тринадцатого Воина, словно из уснувшего вулкана огонь, кипящей лавой поднималась первобытная страсть. Она будет спать, пока он попробует ее на вкус, он так решил. Не уйдет, не попробовав. От этой девочки не просто пахло чистотой, и она не просто никогда не знала мужчин физически. Их не знала ее душа. Он не видел в ней вообще никакой страсти, будто она... ангел. Но это было не так. И Демон усмехнулся своим мыслям.

Взяв ее ноги за лодыжки, он согнул их в коленях, а потом медленно развел в стороны...

До чего же она была прекрасна там! Аккуратные пухлые губки манили пройтись по ним языком, отметив круговыми движениями маленький холмик клитора. Приласкать его, подготавливая к проникновению.

Демон снова ехидно улыбнулся. Омеееела, символ жизни и защиты... Защиты от колдовства и магии, может быть. Но только не от демонов. Не от него! Потому что он уже решил, что в это мягкое, но очень узкое лоно он ворвется первым! Испортит целомудрие, окропив черное шелковое ложе своей постели ее девственной кровью...

Она будет его! Он так решил!

Ногти на пальцах Демона стали удлиняться, и он яростно провел по внутренней стороне бедра девушки так, что остались кровавые отметины. Омела вскрикнула, но не проснулась. Он поднес пальцы к губам и слизнул красные капельки.

Вкусно... Необыкновенно вкусно... Он не помнил, чтобы так сильно возбуждался от запаха и вкуса крови. Каменный член Тринадцатого Воина, познавший не одну сотню женщин, теперь нестерпимо ныл, желая немедленно яростно вбиваться в ближайшее лоно. И любое не подойдет – точно.

Эта человечка и впрямь была особенной. И старик Харон не ошибся. Не демонесса. Но демонесса больше не была нужна главнокомандующему Легиона. Ему запомнилась Омеееела. Демон снова и снова мысленно смаковал ее имя, представляя, как будет грубо сжимать ее в своих объятьях, напористо врываясь в горячее страстное лоно...

– Господин... – раздалось где-то в другом пространстве.

– Ну? – не отрываясь от созерцания девушки, недовольно проговорил Демон.

– Северные Земли требуют вашего скорейшего вмеша-

тельства... – проговорил голос.

– Не сейчас... – презрительно отозвался покоритель миров.

– Отлагательство грозит бунтом...

Демон с сожалением убрал руки от раскинутых бедер девушки и поднялся. Так даже лучше, подумалось ему. Этот момент неподходящий. Пусть перевозчик завершит начатое и приведет Омелу в его низший мир, а там уж он разберется, что к чему.

Метка, оставленная его когтями, не даст ей покоя. Подсознательно девочка будет ждать его. И он к ней придет! Когда наступит время.

Яростно разрывая пространство и открывая портал, Тринадцатый Воин в мгновение ока исчез.

Глава 6

Омела проснулась от звонка в дверь. Резко вскочила с кровати и, на ходу соображая, где она, и что происходит, накинула халат и запахнулась. Метнула взгляд на висящие на стене часы – почти полночь.

– Кто? – хриплым голосом спросила Омела.

– А кого ты ждешь? – это был Харон.

Ноги девушки подкосились, воздуха моментально перестало хватать, а сердце так бешено забилося, что готово было выпрыгнуть из груди. Трясущимися руками девушка открыла дверь и на пороге увидела перевозчика.

– Вы пришли... – выдохнула Омела.

– Но ты же звала меня, не так ли? – самоуверенная улыбка озарила лицо Харона.

– Я должна быть уверена, что вы мне поможете, – перешла сразу к делу девушка. – Если да, я согласна.

– Как ты относишься к кинотеатрам? – неожиданно спросил Харон.

– Я не понимаю... Какое это имеет отношение к...

– Непосредственное, – перебил ее перевозчик. – Собирайся. Сеанс через десять минут. И, да. Я войду, – он слегка шаг навстречу, отчего Омеле пришлось отступить.

– Может, вам удобнее будет подождать меня на улице?

– Еще чего не хватало, – усмехнулся Харон, быстрым ша-

гом проходя в комнату. Омеле показалось, что он присматривался, будто что-то искал. Она могла бы подумать, что он вор, но это было совершенно бессмысленно.

– Хорошо, – смирилась девушка, – я возьму одежду и через минуту буду готова.

– При мне одевайся, – скомандовал Харон.

– Что? – голос Омелы охрип.

– Мне надо быть уверенным в том, что я собираюсь предлагать, – голос мужчины был серьезным.

– Значит, мне придется...

– Обязательно, – подтвердил перевозчик еще до конца не сформировавшуюся мысль девушки.

– Хорошо, – она сжала зубы.

– Раздевайся.

На лице Омелы тут же вспыхнул румянец. Она никогда в жизни не переодевалась перед мужчинами. Теперь, видимо, придется.

Дрожащими руками достала из шкафа черные белье: трусики, бюстгальтер, платье и колготки. Опустив голову, развязала поясок и сбросила халат на пол, оставшись впервые перед мужчиной обнаженной. Схватила трусики и быстро надела, потом справилась с лифчиком. Присела на кресло, чтобы надеть колготки. Глаз на Харона не поднимала, боялась встретиться с его «фирменной» ухмылкой. Тогда может не выдержать, сорвется, и все – пиши пропало!

И только когда она поправила подол платья, только то-

гда решила посмотреть. Харон смотрел на нее скучающим взглядом. Скучающим! Подумать только! Хотя о чем ей надо было подумать, она и сама не знала. Удивилась, но чему? Чему-то, что ей было чуждо. Безразличию?

– Ты не дурна, – зевнув, проговорил Харон.

Он-то абсолютно точно увидел то, что хотел. Демон был здесь, успел попробовать ее на вкус и оставил свой след – глубокие кровавые царапины. Просто так не тронул бы. Харон отлично знал покорителя миров. А это могло значить только одно – он в деле. Перевозчик теперь мог не волноваться. Эта девочка пройдет весь цикл. Он не ошибся в ней. Но показывать своего удовлетворения пока не стоило.

Омела отвела взгляд. Мысли в голове путались. Что происходило? Может, она все еще спала и видела сон? Это же логично. К ней пришел Харон ровно так, как она хотела. Ведь она же его звала. И теперь мозг выдавал желаемое за действительное.

Девушка незаметно ущипнула себя и прикусила от боли губу.

Харон заметил это:

– Нет-нет, детка, на этот раз это не сон. Раз ты готова, идем. Только стоит поторопиться. Потому что до премьеры осталась пара минут.

Обувая сапоги на плоской платформе и с высоким голенищем, надевая серое вытертое пальто, Омела пребывала в полнейшем недоумении. До ближайшего кинотеатра было не

менее получаса езды. Да и причем вообще кинотеатр? Она жертвовала собой ради жизни брата! Готова была отдать все и даже чуть больше! Так пусть бы уже забирал, что хотел!

– Успеется, – будто ответил на ее мысли Харон.

Ну, конечно, как она могла забыть, что колдун способен читать мысли! Что б его! Нет, она никак не могла себя заставить не думать обо всем происходящем.

Когда вышли из подъезда, Омела увидела припаркованный у ее дома огромный черный внедорожник. Казалось, таких огромных не бывает. По крайней мере, девушка подобных не встречала.

Харон открыл переднюю пассажирскую дверь.

– Прошу, – жестом предложил ей сесть.

На подкашивающихся ногах, кое-как забралась. Сразу пристегнулась, чтобы потом понять, насколько правильно поступила.

Харон сел за руль. Завел почти бесшумный двигатель, и машина с визгом рванула с места. Омела вжалась в сиденье. Они ехали на какой-то совершенно невероятной скорости, и девушка с трудом могла различить давно знакомые мелькающие улицы. Она пробовала закрыть глаза, но так было еще страшнее. И спросить Харона о том, что происходит, Омела не решалась. А сам перевозчик молчал ровно до тех пор, пока они ни приехали.

Ровно через две минуты огромный черный внедорожник остановился у кинотеатра «Пламя». Омела не заметила, как

перевозчик вышел и оказался со стороны пассажирской двери и открыл ее. Оперлась на поданную руку, потому что иначе просто не удержалась бы на ногах.

– Добро пожаловать, – со сдержанной улыбкой проговорил перевозчик. – На первый этап знакомства с собой.

Омела не хотела выяснять, что конкретно он имел в виду. Она боялась об этом думать. Шла в кинотеатр, словно жертва на казнь. И если бы она только знала, насколько окажутся ее ощущения близкими к реальности...

У кинозала не было контролера, как это обычно бывает. Дверь была открыта, и Харон жестом предложил войти. По отмеченным светящимися цифрами ступеням Омела осторожно начала спускаться.

– У нас тринадцатый ряд, – шепнул на ухо девушке перевозчик. Омела вздрогнула. – Устраивайся поудобнее.

Омела хотела спросить, на какие места, но перевозчик взял ее за руку и потянул. Девушка оглянулась. Пришлось присесть рядом.

– Скажи мне, девочка, чего ты больше всего на свете боишься? Только не надо, прошу тебя, рассказывать мне про смерть и про кажущуюся непростой проблему, из-за которой ты здесь. Я хотел бы услышать о том, чего боишься лично ты.

Свет замерцал, погас, и на сером экране Омела увидела испуганное свое собственное лицо!..

Словно в зеркале, только во много раз крупнее. Волосы разметались и прилипли к мокрому от пота лбу. Рот слегка

приоткрыт, словно той Омела, что была на экране, не хватало воздуха. И в глазах стоял такой ужас, который, пожалуй, она никогда не испытывала в жизни.

– Что это... значит? – спросила Омела, интуитивно вцепившись в руку Харона. – Это... я?

– Ну, разумеется, – мужчина ласково накрыл ее кисть своей.

– Откуда? – Омела уже и в самом деле начала задыхаться.

– Считай, что из будущего, – только Харон успел это сказать, как раздался душераздирающий вопль... – Так ты не передумала?

Ее вопль! С экрана...

Потом еще и еще! Лицо слегка отдалилось, и на заднем плане Омела увидела силуэт мужчины. Размыто. Невозможно было разобрать, кто он. Только обнаженный сильный торс и непонятные трепещущие тени позади этого мужчины...

Та Омела с экрана боялась его! Невероятно! Панически! Так, что не могла обернуться! Не способна была зажмуриться от страха! И кричала, чтобы хоть как-то облегчить собственные мучения. От чего? Омела не знала, но, тем не менее, почему-то была уверена, что поступала так неспроста.

– Нет... – едва слышно выговорила девушка. Она не знала, что думать. В ушах стояли собственные крики. Сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди, чтобы сбежать немедленно и подальше от всего этого. Подальше от Харона, из этого странного места, где не было никого, кроме

нее и перевозчика! Кроме ужасной застывшей навсегда в ее памяти картины ужаса в собственных глазах!..

Но бежать нельзя. Она согласилась, решила. Другой дороги нет. Нельзя думать о себе! Не теперь, когда Никите с каждой минутой становилось все хуже!

Наконец, экран погас, и ужасающее изображение тоже исчезло.

– Итак, предисловие, – начал Харон спокойно. – Ты, Омела Корн, добровольно соглашаешься пройти некие испытания, касающиеся твоих страхов и эмоций. И посему вверяешься в мое полное распоряжение. Правильно?

– Да...

– По прошествии этих испытаний ты получишь некое благо, о котором просишь. Верно?

– Да...

– Еще раз тебя спрашиваю: ты согласна? – перевозчик повысил голос настолько, что Омеле показалось, будто на ее плечи положили тяжелые бетонные плиты.

– Да! – она повернула голову и решительно посмотрела Харону прямо в глаза.

Лицо перевозчика было серьезно, как никогда. Он не шутил. Его острый взгляд холодным лезвием пронзал насквозь. Неким шестым чувством Омела ощутила, что этот момент – поворотный. После него все будет иначе. Как – думать не хотелось.

– Тогда подписывай, – тихо проговорил Харон, и Омела

увидела в его руке неизвестно откуда взявшийся свиток на странной бумаге, немного напоминавшей пергамент. Но тогда девушка списала подозрения на игру света и темноты в зале.

Омела взяла свиток дрожащими руками и попыталась прочесть. Ничего не выходило. В темноте кинозала она плохо видела текст, читала, но никак не могла понять смысл. По несколько раз перечитывала предложения, но все равно ничего не понимала.

– О чем здесь... сказано? – наконец, спросила она Харона.

– О том, что ты на неопределенное время переходишь в мое распоряжение до выполнения тобой неких обязательств.

– Каких? – почти выкрикнула Омела.

– Об этом позже. Подпиши, ты ведь согласна, – небрежным жестом перевозчик чиркнул по свитку с договором.

– Давайте ручку, – сдалась Омела.

И тут же в ловких пальцах Харона сверкнуло лезвие ножа. Девушка не успела заметить, как перевозчик перевернул ее руку запястьем кверху и скользнул по нему острым, как бритва, лезвием.

– Ай! – вскрикнула Омела и дернула руку, но Харон ее крепко удерживал.

Вытащив из нагрудного кармана ручку, нажал на кнопку сверху нее и опустил в стекающую по девичьему запястью красную струйку. Омела дернулась вторично, а в этот момент Харон отжал кнопку, и вся струйка была втянута

внутри ручки.

– Подписывай, – мужчина вложил ручку Омеле в онемевшие пальцы поврежденной руки.

Совершенно потеряв возможность здраво рассуждать, девушка поставила на листке свою подпись. Харон забрал из ее рук ручку и свиток и проговорил:

– Думаю, нам стоит прогуляться.

Омела плохо помнила, как они выходили из кинотеатра. Она смотрела то в одну, то в другую стороны, но ни в зале, ни по коридору, которому они проходили, им не встретилось ни одной живой души. Будто все разом вымерли, и они с перевозчиком остались наедине.

На улице заметно похолодало. Дождь больше не шел. На черном небе ясно светили россыпи звезд. Харон аккуратно зацепил безвольную руку Омелы за свою. И девушка невольно перенесла всю свою тяжесть, вцепившись в плечо перевозчика. Медленно и молча шли несколько минут, пока Харон ни продолжил:

– Только что ты подписала договор и добровольно согласилась отдать свои эмоции страха тринадцати демонам поочередно. В этом мире встречаться с ними было бы весьма проблематично. А потому тебе нужно будет переместиться в другой мир...

Харон сделал многозначительную паузу, от которой у Омелы сильно закружилась голова, как если бы она сдала большую часть крови в донорском пункте. Может, это сон?

Очень похоже. Или она потеряла сознание, когда открыла Харону дверь? Или что-то в этом роде... Но правдой случившееся никак не могло быть. Просто потому, что не укладывалось в общепринятые представления о мироустройстве.

– Это какой-то бред... – неожиданно проговорила вслух Омела.

– Весьма похоже, – усмехнулся перевозчик, – но не совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.